

«ВЗОРВАННАЯ ИДИЛЛИЯ» ШВЕЙЦАРСКОГО МИФА

(*Матт П., фон.* Литературная память Швейцарии: Прошлое и настоящее / пер. с нем. Т.А. Баскаковой. М.: Центр книги Рудомино, 2013. 464 с. (Серия «Литературная Гельвеция»))

Серию «Литературная Гельвеция», совместный проект «Центра книги Рудомино» и швейцарского совета по культуре «Pro Helvetia», открыла в 2013 г. книга Петера фон Матта – одного из самых неравнодушных и проницательных исследователей немецкоязычной швейцарской литературы. Следом за ней вышли переведенные впервые на русский рассказы немецкоязычной писательницы Адельхайд Дюванель (ей, кстати, посвящена одна из глав книги П. фон Матта) и роман франкоязычного автора Франка Фердинанда Рамю «Великий страх в горах». Для России, весьма медленно осваивающей швейцарскую литературу, это, безусловно, события. Впрочем, они встраиваются в уже закономерный для 2000-х гг. ряд: переоткрытие Р. Вальзера, переводы швейцарской драматургии, выход фундаментального 3-томного труда ИМЛИ по истории швейцарской литературы, которая, надо заметить, представлена всей мультязычной традицией Швейцарии, синхронно.

Начинавший свою академическую карьеру с изучения Грильпарцера и Гофмана, П. фон Матт постепенно расширял географическую, стилевую, хронологическую карту своих изысканий, в итоге одна за другой выходили его книги: о связях литературы и психоанализа Фрейда, о творчестве Гете, Кафки, Канетти, Бахман, Елинек, Х. Мюллера. Он вовлекает в свой кругозор литературы Австрии, ФРГ и ГДР, Швейцарии, раскрывая дальние и соседские связи культур, если и мыслящих на своих «диалектах» и диалектах, то уже веками объединенных общей судьбой немецкого литературного языка, Hochdeutsch, с которым так или иначе каждый новый писатель вступает в интимный, подчас бунтарский, диалог.

С 2000-х гг. П. фон Матт сосредоточивается на литературе Швейцарии, старинной и новейшей, настраивая свой критический камертон на столь разные стилевые и экзистенциальные тональности, будь то прекраснородушное менторство Готфрида Келлера или поэтический «саботаж» Роберта Вальзера. Для разноразличной Швейцарии, избравшей как знак своей символической идентичности нейтральный латинизм Helvetia (от имени племени гелветов, населявших некогда северо-запад страны), способность слышать каждый голос жизненно необходима: она обеспечивает механизмы понимания и наследования культуры, той самой «памяти», без которой «мы духовно мертвы» (с. 5).

Книга «Литературная память Швейцарии» демонстрирует редкое для современной критики качество: автор ее не самоутверждается в оригинальной методологии, не боится «тривиальностей» (с. 156), погружаясь в материал всей полнотой эмоций. Однако взгляд его отнюдь не наивен: он самоироничен и постоянно балансирует между интуитивным прикосновением к тексту и метапозицией.

«Любым обществом в большей мере управляют коллективные фантазии, чем исторические факты» (с. 70), – заключает П. фон Матт, прослеживая историю швейцарского мифа, с таящейся в его идиллической сердцевине жадной разлома, бегства, «саботажа». Созданная по модели античных буколик еще в 18 веке (Альбрехт фон Галлер живописал ее в поэме «Альпы»), пастораль эта будет «взорвана». Теленок, настигаемый почтовой каретой, несущейся во весь

опор, вероятно, не спасется, а лошадей уже очень скоро сменит паровоз, который пройдет сквозь тоннель в некогда дремавших горах: экфрасис картины Роберта Коллера «Готардская почта» (1873) открывает книгу.

То, что бег времени является одной из болевых тем в швейцарской художественной традиции, П. фон Матт демонстрирует на исторически разном материале. Если в основе национального мифа – идея истока как гармонического содружества человека, Бога и природы, то движение вперед, прогресс неминуемо мыслится как отдаление, утрата «рая». Так, рубка старинного дуба-великана символизирует в «Людах из Зельдвиллы» Г. Келлера «трещину, проходящую через прекрасную Швейцарию» (с. 45). «Прекрасная Швейцария» – сельская, горная, та, в которой исцеляется девочка Хайди из романа Иоганны Шпири. Правда, в отличие от политиков и туристических менеджеров, поэты видят и внутри спянного мифом коллектива не-идиллическое: например, готовность к «коллективному преступлению» (с. 137) во имя сохранения комфорта и порядка («Черный паук» Иереми Готхельфа, «Визит старой дамы» Ф. Дюренматта), готовность к смерти при жизни в убаюкивающем ритуале, например в ритуале всеобщей призрачной рыбалки («Последний гость» Т. Хюрлимана). Образы забвения вины из холодноватой прозы «консерватора» Дюренматта оживают под пером П. фон Матта, а Фриш – современник, литературный соперник и оппонент знаменитого швейцарца перечитывается исследователем в явно экзистенциальном ключе: золотая «тюрьма» Швейцарии как нельзя лучше олицетворяла для писателя страх косности, остановки жизни – внутренней жизни в первую очередь.

Готовность выпрыгнуть из приговоренности к какой угодно идиллии П. фон Матт обнаруживает в поэтических мирах Р. Вальзера, возведшего «прогулку» в метафору поэтического поведения *par excellence*, и К. Мерца, отправляющего своих героев на Камчатку и в Венецию, которые, как кафкианская Америка, познаются в путешествии вспять и внутрь. Автору удастся, шаг за шагом, провести и читателя по «внутренней Швейцарии» – той, которая одновременно открыта в сверкающих ландшафтах туристических проспектов и сокрыта в памяти, запечатленной в слове. Стилистика П. фон Матта почти беллетристична, однако мысль его – или, как переводит немецкие Denken и Sprechen Т.А. Баскакова, – «думание» и «говорение» – отмечены острым умом и не оставляющим никаких иллюзий реализмом.

В.В. Котелевская